

ВЫСШАЯ ПОЛИЦИЯ И ЖАНДАРМЕРИЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ЗАИМСТВОВАНИЯ И НОВАЦИИ

Леонтьев Александр Алексеевич

НИУ «Высшая школа экономики»,

Москва, Россия

aleontev@hse.ru

Аннотация. В научной литературе прочно закрепилось утверждение, что А.Х. Бенкендорф, учреждая Третье отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии и Корпус жандармов, оглядывался на французский опыт организации Высшей полиции и жандармерии. При этом ни разу не предпринималась попытка сравнить эти две национальные системы. В данной статье представлен компаративный анализ структурно-функционального устройства французского министерства полиции Ж. Фуше (1799–1810) и его российских аналогов – министерства полиции А.Д. Балашова (1810–1819), а также Третьего отделения и Корпуса жандармов. Для описания французской полиции были использованы франко- и англоязычные историографические источники, для российской – отечественные исследования и архивные документы. В статье показано, что учрежденное в 1826 г. Третье отделение было ближе к французскому аналогу, нежели своему предшественнику – министерству полиции. Отличия российской системы объясняются особым для этого ведомства взаимодействием с монархом. Главной новацией Бенкендорфа стало учреждение штаб-офицеров Корпуса жандармов, на которых возлагались функции «наблюдательной», а не общей (гражданской) полиции.

Ключевые слова: министерство полиции, Третье отделение С.Е.И.В.К., Корпус жандармов, А.Х. Бенкендорф, Ж. Фуше, А.Д. Балашов, Высшая полиция, тайная полиция.

Цитирование: Леонтьев А.А. Высшая полиция и жандармерия в Российской империи: заимствования и новации // Новое прошлое / The New Past. 2022. № 4. С. 130–143.
DOI 10.18522/2500-3224-2022-4-130-143 / Leont'ev A.A. High Policing and Gendarmerie in the Russian Empire: Transfer and Innovations, in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2022. No. 4. Pp. 130–143.
DOI 10.18522/2500-3224-2022-4-130-143.

© Леонтьев А.А., 2022

HIGH POLICING AND GENDARMERIE IN THE RUSSIAN EMPIRE: TRANSFER AND INNOVATIONS

Leont'ev Aleksandr A.

HSE University,
Moscow, Russia
aleontev@hse.ru

Abstract. Quite a few historians pointed out that Russian Third section of His Imperial Majesty's Own Conciliary and the Corps of Gendarmes, both established in 1826 by A.C. Benckendorff, were transferred from the French experience. However, no one has provided any details nor compared two systems of high policing. The point of this article is to offer structural and functional comparison of the J. Fouché's Ministry of Police (1799–1810) and its Russian counterparts: A.D. Balashof's Ministry of Police (1810–1819) and Benckendorff's Third Section and the Corps of Gendarmes. For the description of the French police, French and English historiographical sources were used, for the Russian police – Russian research and archival documents. The article shows that, although an original and rational structure was developed for the Balashof's Ministry, the Third Department took after the French prototype rather than from its own predecessor. The differences between the Benckendorff's system on the one hand and the Fouché's and Balashof's on the other are largely explained by Benckendorff's special relationship with the monarch and more tranquil political situation. The main innovation of Benckendorff was the establishment of a special position – a regional staff officer of the Gendarmes Corps, who was entirely engaged in the so-called "surveilling", and not the general (civilian) police.

Keywords: Ministry of Police, Third section of His Imperial Majesty's Own Conciliary, Gendarmes Corps, J. Fouché, A.D. Balashof, A.C. Benckendorff, high policing, secret police.

В России организация Высшей полиции и жандармерии в 1826–1827 гг. производилась с опорой на французский опыт. Это утверждение встречается почти во всех отечественных исследованиях, посвященных Третьему отделению Собственной Его Императорского Величества канцелярии¹ [Бибиков, 2009; Лурье, 1992; Романов, 2007; Чукарев, 2005]. Не раз отмечалось, что и министерство полиции А.Д. Балашова, созданное в 1810 г., было учреждено по образцу французского ведомства [Севастьянов, 2016; Скрыдлов, 2016]. Парадоксально, что при этом в российской историографии ни разу не поднимался вопрос о том, как были устроены французские прототипы этих органов. Остается неясным, с какой спецификой происходило заимствование: что именно перенималось, что отвергалось, для чего создавались собственные новации. Для поиска ответа на эти вопросы мы обратились к французской и англоязычной литературе.

Высшая полиции во Франции неразрывно связана с именем Жозефа Фуше, возглавлявшим министерство полиции в 1799–1802, 1804–1810 и 1815 гг. Среди исследователей Фуше более популярен, чем его ведомство. В биографических работах впервые появились сведения о том, как было устроено министерство [Zweig, 1930]. Особый вклад в разработку этой темы внес в 1900 г. Луи Мадлен [Madelin, 1900]. Также о министерстве писали в работах, посвященных государственным органам периода республики и первой империи [Régnier, 1907; Pratt, 1949; Godechot, 1951]. К середине XX в. полиция стала самостоятельным объектом изучения в ряде французских исследований, но значимость фигуры Фуше в них продолжала превалировать [D'Hauterive, 1941; Le Clère, 1947; De Polnay, 1970]. Также для данной статьи использовалась диссертация Мэриан Нельсон [Nelson, 1967], которая обработала и свела воедино множество данных, собранных во франкоязычной историографии до 1960-х гг. О жандармах Франции и остальной Европы подробно писал Клайв Эмсли [Emsley, 1999].

МИНИСТЕРСТВО ПОЛИЦИИ ФУШЕ И БАЛАШОВА

Police générale, учрежденное в 1795 г., пришло на смену старорежимной организации полиции, когда одновременно сосуществовало несколько органов власти, отвечавших за порядок и общественное спокойствие. Их полномочия пересекались, начальники конкурировали друг с другом за влияние, а общая эффективность, как следствие, была далека от идеала [Nelson, 1967, р. 2]. С появлением *Police générale* был установлен новый порядок подчинения полицейских структур, который, как предполагалось, должен был уменьшить произвол местных органов. Первые министры полиции были недостаточно предприимчивы и амбициозны, чтобы наладить централизованную систему контроля и использовать данную им власть, и не могли закрепиться на своей должности [Nelson, 1967, р. 13]. Фактически они не имели власти над своими подчиненными, и все донесения адресовались напрямую в Директорию. Лишь в 1799 г., когда министерское кресло занял Фуше, удалось окончательно реформировать полицию и наладить работу «пирамидальной» системы подчинения.

¹ Далее – Третье отделение.

Отличительной чертой этой системы стал принцип единоначалия, в соответствии с которым каждый служащий мог вести переписку только с ближайшим начальником, и лишь в специально оговоренных случаях адресовать записки министру. Фуше удалось сделать министерство полиции самостоятельной политической силой, находящейся под его личным контролем. Наполеон приписывал успех министерства административному таланту Фуше; того же мнения придерживались историки [Nelson, 1967, p. 45; Madelin, 1900, p. 309; Pratt, 1949, p. 146].

Структура полиции была организована двумя способами: отраслевым и территориальным. В отраслевом плане министерство делилось на шесть отделений. Первое отделение было личной канцелярией министра, в которой производились дела, которые он брал на личный контроль или содержание которых он не хотел раскрывать подчиненным [Madelin, 1900, p. 470]. Второе отделение, самое большое, ведало вопросами общей безопасности и тайной полиции. Оно также осуществляло надзор за тюрьмами и корреспонденцией заключенных. Третье отделение заведовало лицами, находящимися под арестом, и поэтому часто сносилось с сенаторской комиссией по свободе личности. Четвертое отделение занималось слежкой за иностранцами и эмигрантами. Пятое и шестое отделения были соответственно бухгалтерией и архивом. Отметим, что перенасыщение функционала главного департамента и недостаточная специализация внутри министерства присутствовали и до, и после Фуше.

Французская система тайной полиции была оценена и взята за образец, причем не только в России. В 1809 г. М.М. Сперанский убедил Александра I в необходимости выделить из МВД полицейские функции и передать их отдельному министерству под управлением Балашова. Реализация этой идеи была предоставлена на откуп Балашову, который поручил составить проект «Учреждения министерства полиции» своему помощнику, Я.И. де Санглену¹. Де Санглен намеревался взять за образец полицию Пруссии, но посол Х.А. Ливен посоветовал ему присмотреться к французскому варианту, тем более что австрийское правительство неофициальным путем уже получило копию устава их министерства [Скрыдлов, 2016, с. 81]. Мнение посла было услышано.

После целого года, ушедшего на подготовку «Учреждения...», оформилась структура российского министерства полиции с тремя департаментами: департамент полиции хозяйственной, департамент полиции исполнительной и медицинский департамент [ПСЗРИ, 1830, т. 31, № 24687]. В ведении хозяйственной полиции находились вопросы, связанные с продовольствием и его бесперебойным снабжением. Полиция исполнительная занималась руководством чиновников губернской и земской полиции, сбором статистики происшествий, ведением уголовных и судебных дел, устройством тюрем и пр. Медицинский департамент ведал врачебными управами и аптеками, организацией карантинных и борьбой с эпидемиями. Функции Высшей полиции были сосредоточены в Особенной канцелярии министра, которую возглавил де Санглен. Канцелярия распалась на три стола: первый занимался иностранцами, второй – вопросами печати, третий – надзором за сектами и «подозрительными бродягами»

¹ Вообще, по замыслу М.М. Сперанского, МВД отводилась скромная роль хозяйственного ведомства [Севастьянов, 2016, с. 170].

[Скрыдлов, 2016, с. 83]. Хотя профильного стола для расследований должностных преступлений губернских чиновников предусмотрено не было, по мнению А.Ю. Скрыдлова, эти дела также производились в Особенной канцелярии.

Итак, российское министерство полиции, подобно французскому, сосредоточило в себе функции как низшей (исполнительной), так и Высшей полиции (Особенная канцелярия). В ведении Балашова оказались те же предметы, которые были впервые соединены в одном ведомстве при Фуше: слежка за иностранцами, цензура, борьба с фальшивомонетчиками, заведование тюрьмами. Российской особенностью стала передача министерству полиции функций контроля врачебных палат и карантинных. После расформирования этого министерства в 1819 г. этот эксперимент больше не повторялся: Третье отделение С.Е.И.В.К. не распоряжалось врачебными управами, хотя и принимало участие в организации и поддержании карантинных мер [ГАРФ, ф. 109, оп. 5, д. 321]. Как и у Фуше, особое место занимала личная канцелярия министра. Александр I также перенял у Наполеона механизм перекрестного контроля полицейских структур: за Балашовым присматривал его подчиненный – де Санглен, за Фуше – парижский префект полиции Луи Дюбуа, имевший прямой доступ к Наполеону, и первый советник министерства П.-Ф. Реаль [Madelin, 1900, p. 467]. Также за Фуше наблюдала личная шпионская сеть Наполеона, первый инспектор жандармерии, генеральный директор почт, военная полиция (*counter-police*) и агенты министра иностранных дел Талейрана [Nelson, 1967, p. 72].

Хотя идея отдельного министерства для полиции была заимствована из французского опыта, сама структура российского ведомства значительно отличалась. Отделения министерства А.Д. Балашова очень четко разделены в плане предметов ведения и отраслевой специализации. Кроме того, они не занимались делами, которые мы относим к Высшей полиции, для чего существовала Особенная канцелярия. Что до министерства Фуше, то там большинство функций были сконцентрированы в одном гипертрофированном отделении, а разделение занятий на Высшую и «низшую» полиции отсутствовало. Таким образом, устройство российского министерства полиции было значительным шагом вперед в плане рационализации и специализации персонала по сравнению с французским образцом.

Причины расформирования министерства Балашова в 1819 г. остаются не вполне ясны. Севастьянов так объясняет решение императора: «не успев возникнуть, министерство полиции тут же превратилось, с одной стороны, в объект пристального и ревнивого внимания императора, а с другой – в орудие интриг Балашова. Ни то, ни другое не способствовало усилению этой структуры, ее превращению в единый центр руководства всей полицией Российской империи. Эти обстоятельства в значительной мере предопределили его крах» [Севастьянов, 2016, с. 179]. После 1819 г. полиция перешла в ведение МВД. Высшая полиция осуществлялась по той же схеме и с тем же начальником (М.Я. фон Фок), что и в министерстве полиции, но уже в формате Особенной канцелярии министра. Теперь «Особенная канцелярия МВД обслуживала уже не столько интересы императора или всего государственного аппарата в целом, а лишь интересы министра внутренних дел В.П. Кочубея, превратившись, по сути, в его личную высшую полицейскую службу» [Севастьянов, 2016, с. 135].

ВЫСШАЯ ПОЛИЦИЯ А.Х. БЕНКЕНДОРФА

После восстания на Сенатской площади реформа Высшей полиции, предложенная А.Х. Бенкендорфом, нашла отклик у нового императора. В результате обсуждений было принято решение о создании системы из двух органов: Третьего отделения С.Е.И.В.К. и Корпуса жандармов. Основой для Третьего отделения послужила все та же Особенная канцелярия МВД, снова переведенная во главе с начальником в состав нового учреждения [ПСЗРИ, 1830, т. 1, № 449]. При этом Третье отделение было структурировано совсем не так, как министерство Балашова. Как и у Фуше, у Третьего отделения была «главная» экспедиция, которая занималась многофункциональными задачами. Бенкендорф определил их как «все предметы высшей наблюдательной полиции» [ГАРФ, ф. 109, оп. 56, д. 1, л. 12–16]. К ним относилось: наблюдение за общественным мнением, сбор сведений, высылка и размещение «лиц подозрительных и вредных», обнаружение тайных обществ и заговоров, ведение дел об административных преступлениях. Вторая экспедиция занималась самыми разными делами, которые, по-видимому, считались второстепенными: дела, касающиеся «религиозных сект» (старообрядцев), фальшивомонетчиков, семейных конфликтов. Позднее сюда было отнесено заведование тюрьмами для государственных преступников. Третья экспедиция решала только вопросы, связанные с иностранцами. Четвертая экспедиция была статистической: здесь составляли ведомости о «всех вообще происшествиях в государстве», т.е. о пожарах, преступлениях, эпидемиях, народных волнениях. В 1842 г. появилась пятая, цензурная экспедиция.

Отличия в сравнении с министерством Фуше оказались незначительными. В российском варианте выделялись дела о старообрядцах, семейных конфликтах, злоупотреблениях чиновников. Отсутствие во французском министерстве полиции категории дел о религиозных сообществах объясняется последствием революции и личным отношением Наполеона к религии. Он считал, что религия — полезный политический инструмент, но сам, дитя революции, был чужд религиозных чувств [Fournier, 1911, p. 250]. Также было бы, пожалуй, странно ожидать от Фуше проявления внимания к семейным конфликтам. В то время как Николай I и его окружение стремились поддерживать «добрую нравственность», которую, как считалось, пошатнула французская революция, Фуше (как и сам Наполеон) был прагматичным политиком, и морализаторство не входило в его интересы [Fournier, 1911, p. 248].

Обратимся к вопросу полицейских региональных структур. Территориальное управление во Франции разделяли между собой четыре советника Фуше (*conseillers d'Etat*), каждый из которых был ответственен за свой округ (*arrondissement*). Так же, как и с департаментами, первый советник был более значимым, и отвечал за 50 департаментов из 83. В их число входили самые «горячие» регионы, где происходили постоянные народные волнения и чаще всего плелись антинаполеоновские интриги. Советники входили к Фуше с еженедельным докладом, а также заседали на общих собраниях. Советники получали информацию из департаментов от префектов. Малозначительные и не касающиеся Высшей полиции сведения отсеивали, а значимые — докладывали Фуше. Чтобы ограничить власть советников и не позволить им управлять министерством наравне с собой, Фуше постоянно ограничивал их полномочия. Без его приказа они не могли принимать никаких самостоятельных решений [Madelin, 1900, p. 469].

В России у Третьего отделения не было сотрудников, находящихся в губерниях, зато функции советников сильно напоминают функции начальников жандармских округов. В отличие от советников, они размещались в крупнейших городах «вверенных им территорий», охватывавших несколько губерний. К началу 1840-х гг., когда организация Корпуса была завершена, количество округов достигло восьми. Начальники округов не объезжали свои губернии, но вели переписку с жандармскими штаб-офицерами в губерниях (к середине 1830-х гг. удалось назначить по одному штаб-офицеру в каждую губернию).

Вернемся к французской системе. Префекты, возглавлявшие департаменты, по должности соответствовали российским губернаторам. И те, и другие контролировали работу «обычной» полиции, но префекты к тому же отвечали и за дела Высшей полиции [Nelson, 1967, p. 50]. Это обусловило их двойную подчиненность: они отчитывались одновременно перед министром внутренних дел и министром полиции. Авторитет Фуше позволял ему влиять на выбор префекта, а позже Наполеон даровал ему право официально номинировать удобного кандидата. Префекты получали сведения от мэров, стоявших во главе коммун. Также существовали две специальные полицейские должности для крупных территорий. В коммуны, где население превышало 100 000 человек, министр назначал генерал-комиссара (*commissaire général*). Подразумевалось, что этот чиновник стоял ниже префекта, но на деле по полицейской части он был наделен идентичными полномочиями. Из-за этого возникала путаница и сбои в работе, поскольку оба начальника не желали сотрудничать, соперничали и очерняли друг друга перед министром полиции [Régnier, 1907, p. 83].

Наравне с обеспечением безопасности в городах и на дорогах, исполнительная полиция коммун использовалась для наблюдения за антиправительственными и антинаполеоновскими настроениями. Известно, что Фуше запрашивал рапорты об отношении народа к политике возвращения религиозности, к политической пропаганде в театральных постановках [Pratt, 1949, p. 35]. В николаевской России городская полиция не занималась отслеживанием народных настроений, эту задачу выполнял штаб-офицер Корпуса жандармов [ГАРФ, ф. 109, оп. 2, д. 1, л. 22–22об.]. Выходит, что система Фуше, в отличие от системы Бенкендорфа, не имела специального чиновника, который, находясь в департаменте, занимался бы исключительно вопросами Высшей полиции.

Итак, во французском министерстве полиции существовали и уживались две «полиции»: исполнительная (или административная) и высшая (тайная). Фуше и его ведомство в первую очередь создали себе репутацию «шпионского ведомства», а деятельность исполнительной полиции отходила на второй план. Это не случайно, ведь и сам Фуше отмечал, что все силы и возможности министра должны быть направлены на Высшую полицию; прочие вопросы могут быть оставлены на рассмотрение соответствующих начальников отделений» [Fouché, 1896, p. 57]. По мнению советника полиции Пеле де ла Лозера, Фуше и Наполеона интересовало только «то, что называлось политической полицией; то есть отношения и взгляды влиятельных партий, дипломатические интриги, придворные слухи и тому подобное. Что же касается порядка на улицах и безопасности дорог, то ни один, ни другой не питали

к тому ни малейшего интереса» [dela Lozère, 1837, p. 95]. Подобной ситуации в российском Третьем отделении быть не могло, поскольку исполнительная полиция оставалась в ведении МВД. Функциональное и институциональное различие двух «полиций» проявилось в России значительно ярче.

С приходом к власти Наполеон стал фактически соуправлять министерством полиции [Nelson, 1967, p. 45] подобно тому, как это делал Николай I¹. Во многом это объяснялось тем, что Наполеон опасался, что в руках Фуше полиция может стать сильным орудием и обратиться против него самого. Подобно тому, как Третье отделение называли внеправовым органом власти [Лемке, 1908, с. 16], Наполеон воспринимал министерство полиции как «власть вне правительства» и опасался усиления его главы [Fouché, 1896, p. xxxvii]. Необходимо помнить, что положение Фуше на протяжении всей его карьеры оставалось устойчивым. И революционная Франция, и деспотическое правление Наполеона были одинаково опасны для амбициозного министра, которому, помимо возложенных на него обязанностей, приходилось постоянно следить за тем, чтобы самому не пасть жертвой интриг. Раскрытые заговоры помогали Фуше временно склонять весы в свою пользу, но ошибки и политическое маневрирование имели серьезные последствия. В 1802 г. после того, как Наполеон узнал, что его министр полиции подначивал сенаторов выступить против введения пожизненного консульства, Фуше был отправлен в отставку, а министерство расформировано и передано в управление министерства юстиции [Nelson, 1967, p. 33–48]. Правда, Наполеон вовсе не рвал отношения с Фуше и даже оставил ему систему личных шпионов. Через два года Фуше удалось заблаговременно доложить о готовящемся крупном заговоре, о котором полиция даже не слышала. Наполеон воздал должное опальному герою: министерство полиции было восстановлено, и Фуше был возвращен на прежнее место. Опытный и деятельный человек во главе полиции был нужен Наполеону, который не раз становился целью покушения. Хотя Наполеон ценил качества своего министра полиции, он не питал иллюзий насчет его преданности. Фуше был политическим хамелеоном, который умел приспособливаться при любом режиме, и Наполеон прекрасно понимал, что Фуше будет служить ему до тех пор, пока это будет ему выгодно.

Взаимоотношения Николая I с Бенкендорфом были иного характера. Александр I не проявил интереса к его проектам, зато после декабристского восстания произошло стремительное сближение с Николаем. Своим возвышением Бенкендорф был полностью обязан императору, который считал его своим другом. «Спокойствие» николаевского правления разительно отличается от бурной эпохи, в которой строил свое ведомство Фуше. Обращая внимание на доносы о существовании тайных обществ, Третье отделение больше занималось надзором за администрацией, мониторингом настроений в обществе, борьбой с «либерализмом» [Бибиков, 2009, с. 338]. Фуше не довелось быть министром полиции в мирное время, и все его внимание было сосредоточено на разоблачении заговоров и борьбе за собственное влияние. Безусловно, различия положений начальников Высшей полиции не

¹ Николай I стремился держать дела Высшей полиции под личным контролем, поэтому для нового органа был избран формат Собственной канцелярии. На раннем этапе ее деятельность была фактически невозможна без высочайших повелений [См. напр.: Лемке, 1908, с. 38; Романов, 2007, с. 105–106].

отражались на структуре ведомств, но сильно влияли на объем их власти. В то время как Высшая полиция в Российской империи находилась полностью в ведении Бенкендорфа, Наполеон не доверял Фуше и ограничивал его власть. Так, вопреки своим стремлениям, он не мог напрямую распоряжаться жандармерией.

ФРАНЦУЗСКИЕ И РОССИЙСКИЕ ЖАНДАРМЫ

Французские жандармы берут свои корни из средневековых маршоосе (*maréchaussées*), буквально — «люди маршала». В 20-е гг. XVIII в. по инициативе военного министра Клода Ле Блана была проведена их масштабная реформа [Emsley, 1999, p. 17]. Именно тогда они стали частью жандармерии — элитной королевской стражи (*la Gendarmerie de la Maison du Roi*). Официально закрепилась их территориальная юрисдикция: маршоосе главным образом были сельской полицией, действовавшей от имени короля. В городах соблюдение правосудия и порядка находилось в руках высшего дворянства. Список полномочий маршоосе, составленный при Ле Блане и его приемниках, сохранился почти без изменений до революции и лег в основу полномочий жандармов республики из *Gendarmerie Nationale*, образованной 16 февраля 1791 г.

Республиканский период привнес новые правила в организацию жандармов. В 1797 г. была введена новая система подчинения. Если раньше они находились в полном распоряжении военного министра, то теперь, с появлением министерства полиции, он был ответственен только за дисциплину и экипировку, а в остальных вопросах жандармы подчинялись министру полиции [Emsley, 1999, p. 53]. Подобное разделение обязанностей будет установлено для российских жандармов: Бенкендорф заведовал ими «в инспекторском отношении» [ПСЗРИ, 1837, № 9355]. Однако существенное отличие заключалось в том, что Бенкендорф был официальным главой жандармерии, ее шефом. Французских жандармов возглавлял Монсей. Он сопротивлялся вмешательству Фуше в дела жандармов, и де-факто министр полиции не мог контролировать жандармов. Их отношения носили характер сотрудничества [Emsley, 1999, p. 67].

Функции жандармов в наполеоновскую эпоху по большей части оставались такими, какими они были при старом режиме. Сохранялось деление на обычные и экстраординарные занятия, введенное ордонансом 1778 г. для маршоосе [Emsley, 1999, p. 27]. К обычным относились занятия, связанные с обеспечением общественного порядка: патрулирование главных дорог, присутствие на ярмарках, рынках и праздниках. Жандармы должны были производить арест подозреваемых и бродяг, проверять постояльцев гостевых домов, проводить осмотр телег и пр. Поскольку жандармы были военизированным подразделением, они были способны выполнять задачи сопровождения призывников и ареста дезертиров. Задания, которые жандармы выполняли по запросу местных властей или какого-то из министерств, считались экстраординарными. Жандармы использовались для конвоирования амуниции, лиц государственного значения, документов, а также для произведения арестов. Чиновники вне военного министерства могли только делать запрос, но не требовать помощи жандармской команды. Нередко командиры команд жаловались, что местное начальство слишком часто обращается к ним с просьбой о выделении

сопровождения [Emsley, 1999, p. 69]. Монсей пытался не допустить превращения жандармского эскорта в способ демонстрации роскоши и влияния.

Российские жандармские команды существовали и до учреждения Корпуса жандармов. Эти команды были образованы в 1817 г. в составе внутренней стражи, и имели практически те же полномочия [Романов, 2007, с. 320]. Похожим образом повторялась даже тенденция к избыточному привлечению жандармов к заведомо малозначительным обязанностям. Если во Франции жандармов использовали как престижный кортеж, то в России губернское начальство относилось к ним как к обычным курьерам, хотя закон позволял использовать жандармов для передачи бумаг только в случаях особой важности [Романов, 2007, с. 440].

При Наполеоне изменились приоритеты жандармской службы. В военное время на первый план вышли задачи по сопровождению конскриптов, поимке дезертиров, борьбе с разбойниками. Кроме этого, исследователи отмечают, что при Наполеоне и Фуше жандармы стали активнее использоваться для наблюдения и слежки. Уже в законе 1798 г. говорилось, что «постоянное, неутомимое наблюдение [*surveillance*] составляет основу их службы» [Emsley, 1999, p. 69]. Наблюдение приобретает в этот период особенное значение как метод сохранения общественного спокойствия. Появляется мысль, что бороться с преступностью необходимо не только репрессивно (т. е. наказывать тех, кто уже совершил преступление), но и превентивно, т. е. пресекать возможность противоправных действий [Brown, 1997]. Через несколько месяцев после Брюмера Фуше писал Наполеону: «Полиция, как я ее себе представляю, должна предупреждать и предотвращать правонарушения, сдерживать и производить арест людей в случаях, не предусмотренных законами» [Madelin, 1900, p. 285]. Эта черта внутренней политики новой Франции, отмеченная Говардом Брауном, сподвигла его сформулировать тезис о появлении «государства безопасности (*security state*) со своим новым административным и юридическим аппаратом, перед которым ставились опекающие задачи» [Brown, 1997]. Идея о превентивных мерах была близка и Бенкендорфу. В дополнении к инструкции штаб-офицерам Корпуса жандармов предписывалось: «Если дойдет до Вас сведение о каком-либо противозаконном поступке, и Вы в справедливости оного совершенно удостоверитесь, то можете предварить о том словесно или посредством записки того Начальника, до коего обстоятельство сие касаться будет; сим Вы подадите ему способ *отвратить* возникшее зло, или даже *предупредить* оное» [ГАРФ, ф. 110, оп. 2, д. 631] (курсив мой. – А.Л.).

Наполеон считал, что «жандармерия – наиболее эффективный способ поддерживать спокойствие в сельской местности. <...> Она осуществляет надзор полувоенного, полугражданского характера на всей территории империи, и, к тому же, снабжает самыми точными сведениями» [Emsley, 1999, p. 56]. В России перед жандармскими командами не стояла задача собирать сведения, этим занимались только штаб-офицеры. Хотя жандармы могли использоваться на территории всей губернии, команды и штаб-офицер редко покидали город квартирования. Таким образом, жандармы в России были усилением именно городской полиции, а штаб-офицеры вели свое наблюдение только в пределах города.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Российская и французская системы Высшей полиции действительно имели друг с другом много общего. Заимствование французского опыта началось еще при Александре I, когда при содействии Сперанского и Де Санглена было создано министерство полиции. Структура российского министерства была продумана обстоятельнее, однако по каким-то причинам этот эксперимент показался Александру I сомнительным. В 1819 г. оно было ликвидировано, а его функции перешли обратно в МВД. В плане структуры и предметов ведения Третье отделение соответствовало французскому министерству полиции, а Корпус жандармов был почти прямым заимствованием. Особенной чертой российской системы при Бенкендорфе стало совмещение руководства двух прежде независимых структур, в результате чего были минимизированы проблемы взаимодействия и борьба за влияние. Фуше и Савари могли лишь мечтать о том, чтобы иметь прямое управление жандармерией; Бенкендорф, благодаря полному доверию со стороны монарха, смог добиться для себя этого уникального положения. И та, и другая система позволили создать централизованную сеть «наблюдательной полиции», распространявшую свое действие на регионы. И те, и другие жандармы были манифестацией коронной/национальной власти. Для России первой половины XIX в. вряд ли было возможным организовать содержание жандармских команд для сельских местностей. Российские жандармы базировались и служили в основном в губернском городе, в то время как французские, наоборот, служили вне больших городов. Этим объясняется и разница в численности. В 1801 г. в рядах французских жандармов насчитывалось 16 500 человек (18 000 в 1815 г.) [Emsley, 1999, p. 69, 83], а Корпус жандармов на момент создания в 1827 г. располагал 4 278 служащими (6 808 в 1880 г.) [Жандармы России, 2002, с. 251].

Обе жандармерии должны были содействовать местной власти, но не зависеть от неё. Бенкендорф подчеркивал: «Корпус жандармов не разделяет никакой власти, ни от кого не отнимает её; он — вспомогательное средство для всех других частей. Он член всех управлений, он принадлежит всем министерствам» [ГАРФ, ф. 110, оп. 2, д. 221, л. 69]. Удивительное сходство в формулировке находим у Пеле де ла Лозера: «Жандармерия, находящаяся в полном распоряжении министерства полиции по вопросам передвижения и применения силы, суть инструмент [*arme*] полиции, её исполнительная сила [*bras*]; она существенно зависит от полиции, но при этом не должна становиться самой полицией» [Emsley, 1999, p. 67]. На практике это означает, что обе жандармерии не должны иметь достаточных полномочий для самостоятельных действий, и в каждом случае должны действовать в соответствии с указаниями министерства по принадлежности: внутренних дел, полиции или юстиции.

Другой отличительной чертой российской системы было разделение исполнительной и высшей полиции между разными ведомствами. Если министр полиции имел власть над префектами наряду с МВД, то Бенкендорф не мог приказывать губернаторам. Так же, как Третье отделение специализировалось на Высшей полиции, штаб-офицер Корпуса жандармов в губернии специализировался на полиции наблюдательной. Во Франции подобной должности не было, и функции политического наблюдения ложились на префектов и комиссаров полиции. Поглощенные

множеством других задач, они вряд ли могли сравниться со штаб-офицерами по объему работы. Выделяя в каждую губернию для наблюдательных целей отдельного чиновника, Николай I и Бенкендорф поднимали Высшую полицию на новый уровень, создавали новый, уникальный для европейского опыта институт власти.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Бибиков Г.Н. А.Х. Бенкендорф и политика императора Николая I. М.: Три квадрата, 2009. 424 с.
- Волконский С.Г. Записки Сергея Григорьевича Волконского. СПб.: Синодальная Типография, 1902. VIII, 548 с.
- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 109. Оп. 2. Д. 1.
ГАРФ. Ф. 109. Оп. 5. Д. 321.
ГАРФ. Ф. 109. Оп. 56. Д. 1.
ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 221.
ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 631.
- Жандармы России. Ред. В.С. Измозик. СПб.: Нева, 2002. 640 с.
- Лемке М.К. Николаевские жандармы и литература 1826–1855 гг. СПб.: С. Бунин, 1908. XVI, 614 с.
- Лурье Ф.М. Полицейские и провокаторы: Полицейский сыск в России, 1649–1917. СПб.: Час Пик, 1992. 352 с.
- Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание 1-е. Т. 31. № 24687. СПб., 1830. С. 719–728.
- ПСЗРИ. Собрание 2-е. Т. 1. № 449. СПб., 1830. С. 665–666.
- ПСЗРИ. Собрание 2-е. Т. 11. № 9355. СПб., 1837. С. 772–782.
- Романов В.В. Политическая полиция Российской империи 1826–1860 гг.: основные тенденции развития. Ульяновск: УлГУ, 2007. 559 с.
- Севастьянов Ф.Л. Государственная безопасность есть предмет уважительный: политический розыск и контроль в России от Павла I до Николая I. СПб.: Победа, 2016. 550 с.
- Скрыдлов А.Ю. На службе России: Александр Дмитриевич Балашев, 1770–1837. СПб.: Петрополис, 2016. 264 с.
- Чукарев А.Г. Тайная полиция России: 1826–1855 гг. М.; Жуковский: Кучково поле, 2005. 701 с.
- Baron Pelet dela Lozère. *Napoleon in Council, or the Opinions Delivered by Bonaparte in the Council of State*. Transl. From French by Captain Basil Hall. London: Whittaker and Co., 1837. XII, 336 p.
- Brown H.G. From Organic Society to Security State: The War on Brigandage in France, 1797–1802 // *Journal of Social History*. 1997. № 69. Pp. 661–695.
- D'Hauterive E. *Napoleon et sa police*. Paris: Flammarion, 1944. 344 p.

- De Polnay P. *Napoleon's Police*. London: W.H. Allen, 1970. 256 p.
- Emsley C. *Gendarmes and the State in Nineteenth-Century Europe*. Oxford: OUP, 1999. VIII, 288 p.
- Fouché J. *The memoirs of Joseph Fouché, duke of Otranto, minister of the General police of France. Transl. from French*. Vol. 1. London: H.S. Nichols, 1896. 356 p.
- Fournier A. *Napoleon I. A biography. Transl. from French by A.E. Adams*. NY.: Henry Colt and Company, 1911. Vol. I. 596 p.
- Godechot J. *Les Institutions de la France sous la Révolution et l'Empire*. Paris: Imprimerie des Universitaires de France, 1951. VIII, 687 p.
- Le Clère M. *Histoire de la Police*. Paris: Presses univesitaires de France, 1947. 128 p.
- Madelin L. *Fouché, 1759–1820*. Paris: Librairie Plon, 1900. XXXIV, 1096 p.
- Nelson M.P. *The Napoleonic police under the administration of Joseph Fouché, 1799–1810*. Student Work [MA Thesis]. University of Omaha, 1967. 400 p.
- Pratt F. *The Empire and the Glory: Napoleon Bonaparte: 1800–1806*. NY: William Sloan Associates, 1949. 535 p.
- Régnier J. *Les Préfets du Consulat et de l'Empire*. Paris: Editions de la Nouvelle Revue Critique, 1907. 296 p.
- Zweig S. *Joseph Fouché: Portrait of a Politician*. Transl. from German by Eden and Cedar Paul. NY: The Viking Press, 1930. 348 p.

REFERENCES

- Bibikov G.N. A.Kh. *Benkendorf i politika imperatora Nikolaya I* [A.C. Benckendorff and the Policy of Nicholas I]. Moscow: Tri kvadrata, 2009. 424 p. (in Russian).
- State Archive of the Russian Federation (GARF). F. 109. Inv. 2. D. 1.
- GARF. F. 109. Inv. 5. D. 321.
- GARF. F. 109. Inv. 56. D. 1.
- GARF. F. 110. Inv. 2. D. 221.
- GARF. F. 110. Inv. 2. D. 631.
- Lemke M.K. *Nikolaevskie zhandarmy i literatura 1826–1855 gg.* [Gendarmes of Nicholas I and the Literature of 1826–1855]. Saint-Petersburg: S. Bunin, 1908. XVI, 614 p. (in Russian).
- Lur'e F.M. *Politseiskie i provokatory: Politseiskii sysk v Rossii, 1649–1917* [Policemen and Provocateurs: Police Search in Russia, 1649–1917]. Saint-Petersburg: Chas Pik, 1992. 352 p. (in Russian).
- Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire] (PSZRI). Collection 1. Vol. 31. No. 24687. Saint-Petersburg, 1830. Pp. 719–728 (in Russian).
- PSZRI. Collection 2. Vol. 1. No. 449. Saint-Petersburg, 1830. Pp. 665–666 (in Russian).
- PSZRI. Collection 2. Vol. 11. No. 9355. Saint-Petersburg, 1837. Pp. 772–782 (in Russian).

Romanov V.V. *Politicheskaya politsiya Rossiiskoi imperii 1826–1860 gg.: osnovnye tendentsii razvitiya* [Political Police in Russian Empire of 1826–1860: main trends of development]. Ulyanovsk: UIGU, 2007. 559 p. (in Russian).

Sevast'yanov F.L. *Gosudarstvennaya bezopasnost' est' predmet uvazhitel'nyi: politicheskii rozysk i kontrol' v Rossii ot Pavla I do Nikolaya I* [State Security is an Important Subject: Political Search and Control in Russia from Paul I to Nicholas I]. Saint-Petersburg: Pobeda, 2016. 550 p. (in Russian).

Skyrdlov A.Yu. *Na sluzhbe Rossii: Aleksandr Dmitrievich Balashev, 1770–1837* [In the Service of Russia: Alexander Dmitrievich Balashev, 1770–1837]. Saint-Petersburg: Petropolis, 2016. 264 p. (in Russian).

Chukarev A.G. *Tainaya politsiya Rossii: 1826–1855 gg.* [The Secret Police of Russia: 1826–1855]. Moscow; Zhukovskiy: Kuchkovo pole, 2005. 701 p. (in Russian).

Baron Pelet dela Lozère. *Napoleon in Council, or the Opinions Delivered by Bonaparte in the Council of State*. Transl. From French by Captain Basil Hall. London: Whittaker and Co., 1837. XII, 336 p.

Brown H.G. From Organic Society to Security State: The War on Brigandage in France, 1797–1802, in *Journal of Social History*. 1997. № 69. Pp. 661–695.

D'Hauterive E. *Napoleon et sa police*. Paris: Flammarion, 1944. 344 p.

De Polnay P. *Napoleon's Police*. London: W.H. Allen, 1970. 256 p.

Emsley C. *Gendarmes and the State in Nineteenth-Century Europe*. Oxford: OUP, 1999. VIII, 288 p.

Fouché J. *The memoirs of Joseph Fouché, duke of Otranto, minister of the General police of France*. Transl. from French. Vol. 1. London: H.S. Nichols, 1896. 356 p.

Fournier A. *Napoleon I. A biography*. Transl. from French by A.E. Adams. NY.: Henry Colt and Company, 1911. Vol. I. 596 p.

Godechot J. *Les Institutions de la France sous la Révolution et l'Empire*. Paris: Imprimerie des Universitaires de France, 1951. VIII, 687 p.

Le Clère M. *Histoire de la Police*. Paris: Presses univesitaires de France, 1947. 128 p.

Madelin L. *Fouché, 1759–1820*. Paris: Librairie Plon, 1900. XXXIV, 1096 p.

Nelson M.P. *The Napoleonic police under the administration of Joseph Fouché, 1799–1810*. Student Work [MA Thesis]. University of Omaha, 1967. 400 p.

Pratt F. *The Empire and the Glory: Napoleon Bonaparte: 1800–1806*. NY: William Sloan Associates, 1949. 535 p.

Régnier J. *Les Préfets du Consulat et de l'Empire*. Paris: Editions de la Nouvelle Revue Critique, 1907. 296 p.

Zweig S. *Joseph Fouché: Portrait of a Politician*. Transl. from German by Eden and Cedar Paul. NY: The Viking Press, 1930. 348 p.

Статья принята к публикации 14.11.2022 г.